

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.02

Правильная ссылка на статью:

Готлиб А. С. Качественное социологическое исследование и прогнозирование: «И невозможное возможно»? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 12—20. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.02.

For citation:

Gotlib A. S. Qualitative sociological study and forecasting: “Is impossible possible?”. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 3. P. 12—20. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.02.

А. С. Готлиб

КАЧЕСТВЕННОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ: «И НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО»?

КАЧЕСТВЕННОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ: «И НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО»?

QUALITATIVE SOCIOLOGICAL STUDY AND FORECASTING: «IS IMPOSSIBLE POSSIBLE?»

ГОТЛИБ Анна Семеновна — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой методологии социологических и маркетинговых исследований Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, Самара, Россия.
E-MAIL: angotlib@samtel.ru
ORCID: 0000-0002-5665-3540

Anna S. GOTLIB¹ — Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Head
E-MAIL: angotlib@samtel.ru
ORCID: 0000-0002-5665-3540

¹ Academician Korolev Samara National Research University, Samara, Russia

Аннотация. Статья посвящена возможности применения результатов качественного социологического исследования для прогнозирования массового поведения, основанного на использовании методов экстраполяции. Детально анализируются скромные возможности классической социологии реализовывать прогностическую функцию в этом варианте. Делается вывод о невозможности использования только качественных данных для

Abstract. The article describes the use of the results of qualitative studies to predict mass behavior applying the extrapolation technique. Limited possibilities of the classical sociology to implement the prediction function this way are analyzed in detail. The author concludes that it is impossible to use purely qualitative data to make predictions on methodological grounds mentioned in the paper (interpretative character of the obtained knowledge, its communicative nature,

прогнозирования по методологическим основаниям: интерпретативному характеру получаемого знания, его коммуникативной природе, принципиальной незавершенности. Автор предлагает вариант последовательного сочетания методологических подходов (качественного и количественного) в исследовании для прогнозирования массового поведения с использованием методов экстраполяции.

Ключевые слова: прогнозирование, методы экстраполяции, массовое поведение, качественный и количественный подходы, ограниченные возможности, эмоции, сочетание методов

and fundamental incompleteness). The author proposes a consecutive combination of methodological approaches (qualitative and quantitative) in forecasting mass behavior using the extrapolation technique.

Keywords: forecasting, extrapolation methods, mass behavior, qualitative and quantitative approaches, limited opportunities, emotions, combination of methods

Классическая социология и прогнозирование

Известно, что классическая социология на эмпирическом уровне самым тесным образом связана с прогнозированием как с областью практического использования ее результатов. Собственно, термин «научное прогнозирование» как новый тип предвидения социальных процессов в отличие от предшествующих прогностических моделей, сконструированных массовым мистическим, мифологическим и теологическим сознанием на разных этапах развития человеческой цивилизации [Леньков, 2013: 20], как раз и фиксирует эту связь. Вместе с тем, в этой связке «социология — прогнозирование» не все так гладко.

С одной стороны, классическая социология как нововременная форма научного знания с его «заряженностью» на преобразование, на овладение миром и контроль над ним, ориентирована на практическую полезность полученного знания вообще и возможность создания научных прогнозов в частности. С другой стороны, научное прогнозирование как производство «вероятностных утверждений о будущем с относительно высокой степенью достоверности» [Леньков, 2013: 30], на мой взгляд, — достаточно тяжелая ноша для социологии. Во всяком случае, это верно для прогнозов массового поведения (электорального, потребительского, досугового и пр.), массовых социальных процессов вообще, которые в большинстве своем прогнозируются с помощью методов так называемого поискового подхода, использующего простую и сложную экстраполяцию [Гинис, 2009]. Экстраполяция представляет собой перенос тенденций, выявленных сегодня, на ситуацию в будущем¹. Отсюда качество прогноза определяется тем, насколько достоверно, т. е. в каком соответствии с истинным положением дел, описаны тренды изучаемого признака.

¹ Строго говоря, экстраполяция применима для крупных систем, развивающихся эволюционно и в стабильных условиях [Гинис, 2009]. Несмотря на очевидную нестабильность социальных систем в XXI в., этот метод является все же самым используемым в практике прогнозирования.

Трудности прогнозирования для классической социологии обуславливаются не только тем, что в реальном «живом» социологическом исследовании достаточно трудно получить действительно достоверное знание, знание-зеркало в терминологии Л. Микешиной [Микешина, 2005], на которое как на некий идеал ориентируется классическое социологическое исследование². Дело в другом: сама социологическая наука в своей предметной, методической и организационной ипостасях обладает ограниченными возможностями для прогнозирования. Именно этим во многом объясняются претензии к социологии, время от времени звучащие в российском и других обществах, когда, например, электоральное поведение людей не совпадает с прогнозами, причем с содержательно идентичными, сделанными разными социологическими фирмами по одному и тому же поводу.

Каковы же эти ограничения? Прежде всего, социология, как известно, изучает «вербальное поведение», а не реальное. Предметом социологического исследования выступают не собственно поведение, а социально-психологические установки изучаемой социальной группы на поведение в ситуации того или иного выбора (диспозиции, аттитюды в терминах диспозиционной концепции В. А. Ядова) [Ядов, 2013]. Известно (и доказано знаменитым экспериментом американского социального психолога Р. Лапьера, равно как и повседневным практиками людей): между социально-психологическими установками личности и ее реальным поведением лежит дистанция огромного размера. В начале тридцатых годов XX века Р. Лапьером в книге «Аттитюды или действия» (Richard T. LaPiere. Attitudes vs Actions) сделал этот неутешительный вывод: «Анкета есть лишь символический ответ на гипотетическую ситуацию. Вербальная реакция на символическую ситуацию не позволяет сказать, каким будет поведение человека в реальной ситуации» [Цит. по: Копец, 2010]. Сегодня существует целый ряд интерпретаций этого парадокса: рассмотрение его в контексте нонконформизма как «маленький подвиг протеста против общественного давления и обезличивания»; как хорошо описанный И. Гофманом феномен «представления себя другим» в коммуникативной ситуации опроса [Ядов, 2013: 155] и др. Есть и грустное, практически пораженческое признание неспособности внятно объяснить это явление: «парадокс Лапьера остается чарующей тайной человеческого поведения» [Копец, 2010].

Полагаю, что одно из возможных объяснений такого разрыва «слова и дела», с позиции диспозиционной системы регулирования социального поведения личности, состоит в том, что поведение людей, особенно в ситуации значимого выбора, детерминировано не только диспозициями определенного уровня (фиксированными социальными установками), но и всей системой диспозиций личности, включая и ее самые глубинные уровни: ценностные ориентации личности или общую направленность ее интересов, «выступающую своеобразной осью системы ценностных ориентаций» [Ядов, 2013: 103]. Проблема в том, что именно ценностные ориентации и уж тем более общая направленность интересов личности как раз и не изучаются в большинстве случаев в электоральных социологических

² Подлинную достоверность трудно получить даже при соблюдении всех методических требований: принципиальное присутствие некоей порции субъективности (субъектности) исследователя, как бы эта черта классического эмпирического исследования ни замалчивалась [Готлиб, 2012], а также сервиллизм, увы, частый спутник социологической практики в России, не дают в полной мере осуществиться идеалу достоверного знания.

исследованиях, результаты которых используются в прогнозировании: это сложно и дорого. Такая исследовательская ситуация в сущности подтверждает слова Р. Лапьера, сказанные много десятилетий назад: «Изучение поведения человека — тяжелый, интеллектуально утомительный процесс, успех которого зависит от способностей исследователя» [Копец, 2010].

Еще одно ограничение, обусловленное спецификой социологического знания, заключается в том, что классическая социология при изучении социального действия на эмпирическом своем уровне нацелена на изучение только рациональной сферы человека, его рационального обоснования своего выбора в той или иной области. В то же время различного рода исследованиями, проведенными в последние 20 лет, доказано, что поведение человека в определенной мере обусловлено и иррациональными, (интуитивными) факторами, эмоциями. Вывод, полученный по итогам этих исследований, на мой взгляд, точно сформулирован австралийским социологом Джеком Барбалетом: «Социальное действие лучше всего понимать как эмоциональный процесс» [Barbalet, 1999: 148]. Здесь эмоции, «эта реальность непосредственного переживания» [Николаев, Барбалет, 2002], рассматриваются как «сложные феномены, как аффективно-когнитивные комплексы, сочетающие в себе социальное и биологическое, имеющие поведенческие выражения, которые зависят от ситуации взаимодействия и социально-структурного контекста» [Симонова, 2016: 117]. Все больше становится понятно, что «модель рационального актора, широко применяемая после М. Вебера в социальных науках, может быть эвристически ущербной и эвристически дезориентирующей» [Barbalet, 1999: 101]. Социологи признают, что эмоции, как осознаваемые и вербально определяемые, так и уходящие от осознания, встраиваясь во взаимодействие, заставляют людей оценивать и изменять стратегии своего поведения [Николаев, Барбалет, 2002]³. Вместе с тем, в социологических исследованиях, осуществляемых в целях прогноза массового поведения, как правило, увы, торжествует старая поствеберовская модель.

Социология, использующая массовые опросы для целей прогнозирования, обречена на довольно редкие, но все же встречающиеся уникальные ситуации. Уникальность их состоит в том, что значительное число респондентов при общении с интервьюером говорят заведомую неправду, становятся неискренними по тем или иным соображениям. Такая ситуация была зафиксирована, например, в России в 1993 г. перед выборами в Государственную Думу. Тогда результаты прогноза и реальное электоральное поведение россиян резко разошлись, не только на время подорвав доверие общества к социологической науке, но и спровоцировав социологов на изучение нового интригующего феномена, названного ими «эффектом Жириновского» [Шляпентох, 1995]⁴. Уникальность и непредсказуемость

³ Представлены в современной социологии и более радикальные варианты: так английский социолог М. Холмс, размышляя об эмоциях в методологическом ключе — как средства самопознания информанта в процедуре интервью вводит понятие «эмоциональная рефлексивность», которое наряду с интертерсубъективной интерпретацией эмоций содержит, с его точки зрения, и действие, вызванные этими эмоциями [Holms, 2015: 62].

⁴ Массовые опросы, проводившиеся в разгар этой предвыборной кампании разными исследовательскими фирмами, показали практически одинаковые и достаточно скромные результаты: — всего около 3% россиян готовы были голосовать за ЛДПР (победу прочили совсем другим партиям — «Выбору России», «Яблоку», за которые собирались голосовать около трети россиян). В то же время реальные выборы показали совсем другую картину — ЛДПР по числу проголосовавших оказалась на первом месте — 23,9% опрошенных.

этой ситуации американский социолог В. Шляпентох, эмпирически изучавший произошедшее в России, объяснил «фактором стыда»: респонденты, ранее выступавшие за демократов, к 1993 г. стали поддерживать оппозицию, но во время интервью стыдились в этом признаться, «прячась» за общепризнанные, социально-желательные тогда нормы [Шляпентох, 1995: 15]⁵.

Качественное социологическое исследование для нужд прогнозирования

Качественная методология социологического исследования с ее антинаучным (речь идет о неприятии нововременной формы научного знания) и антивластным пафосом, с ее гуманистической идеологией в методологическом и социальном смыслах, принципиально отвергающей участие социологии в контроле над людьми, на мой взгляд, занимает неоднозначную позицию по отношению к управлению социальными процессами, а значит — и прогнозированию как важнейшей его функции. Принципиально провозглашая индетерминизм, рассматривая социальную реальность как результат человеческих взаимодействий, живую социальную ткань, некий кубик Рубика, каждый раз новый, качественная методология противостоит жесткости социального порядка и потому отрицает возможность «работы» на задачи управления и прогнозирования. Вместе с тем эта принципиальная идеологическая позиция часто идет вразрез с реальной социологической практикой: научно-ориентированные качественные исследования, претендующие на обоснованное научное понимание социальных процессов, могут использоваться и используются в практических управленческих, в том числе и прогностических целях [Готлиб, 2004]. Речь идет об использовании качественной информации для целей прогнозирования с использованием метода построения сценариев развития каких-либо социальных явлений. Эксперты, использующие этот метод, могут в полной мере полагаться на результаты качественного социологического исследования как «схватывающего» то или иное социальное явление или процесс в его конкретном контексте.

Иначе обстоят дела в ситуации прогнозирования массового поведения людей, при котором чаще всего используются методы экстраполяции. Здесь результаты качественного исследования прежде всего по методологическим основаниям не могут быть задействованы. Первое и, пожалуй, самое важное методологическое основание состоит в том, что качественное исследование не производит достоверного знания, отражающего истинное положение дел, без которого, как я уже говорила ранее, невозможно использование экстраполяции. Продуктом исследования такого типа всегда выступает правдоподобное знание [Hammersley, 1992] как intersубъективное, т. е. разделяемое опрошенными людьми⁶. Это знание, «конструкт конструктов» в терминах А. Шюца [Шюц, 2004] всегда является продуктом обобщения (интерпретации) исследователем тех индивидуальных смыслов, тех определений ситуации, «конструктов первого порядка» в соответствии со словарем А. Шюца, которыми наполнены транскрипты интервью, дневники

⁵ Социально желательным же, по их мнению, было скорее отрицательное отношение к ЛДПР и ее лидеру, которое они и демонстрировали в интервью.

⁶ Одновременно знание, получаемое в качественном исследовании в его научном варианте [Готлиб, 2004], является и объективным, если под объективностью понимать вслед за А. Шюцем проверяемое, контролируемое знание.

наблюдений, анализируемые тексты. Правдоподобное знание как «двойная рефлексивность» [Штейнберг и др., 2009: 24] не претендует на «объективную истину» и потому не «замахивается» на описание закономерностей, не является достаточно устойчивым, исчерпывающим, как бы социологи ни пытались достичь его насыщенности в попытке сделать окончательным, завершенным: появление новых информантов, потенциально несущих новые смыслы, всегда может его изменить. Более того, интерпретативный характер полученного знания, принципиальная возможность множества интерпретаций одних и тех же качественных данных другими исследователями и даже конфликта интерпретаций — также значимая характеристика качественного исследования, которая делает невозможным получение знания-истины в этой парадигме.

Еще одно методологическое доказательство невозможности использовать результаты качественного исследования в прогнозировании массового поведения состоит в том, что знание, полученное в качественном исследовании в его научном варианте (мини-теория), невозможно распространить на большие совокупности: целевой отбор, являющийся в качественном исследовании основным способом отбора, не дает математических (статистических) оснований сделать это. Важным ограничением является и представленность качественных данных в нечисловой форме, невозможность количественно описать (а значит, и прогнозировать) массовое поведение в будущем. Означает ли это принципиальную невозможность использования качественных данных для нужд прогнозирования? Нет, на мой взгляд, не означает.

Сочетание методологических подходов как выход из ситуации

Полагаю, что качественное исследование только вкупе с количественным (в последовательном варианте такого сочетания) может быть надежной базой прогнозирования массового поведения людей. И дело не в том, что сегодня эта стратегия становится модной, широко обсуждаемой и широко применяемой как в содержательных [Готлиб, 2004; Johnson., 2007; Cresswell, 2009, Семенова, 2014; Morgan, 2014; Савинская, Истомина, 2015], так и в методических целях (для большей достижимости объекта, для оценки познавательных возможностей того или иного метода и т. д. [Баскакова, 2016]⁷). И даже не в том, что многие авторы использование такой стратегии в явном или неявном виде связывают с повышением качества исследования за счет комплексного представления о социальном феномене, что на мой взгляд, сомнительно. Мне кажется, характер сочетания этих подходов: последовательный или параллельный [Готлиб, 2004: 308], — обуславливается прежде всего характером исследовательских задач, которые конструирует исследователь. При этом и в первом, и во втором случае на каждом из этапов производится полноценное самостоятельное знание, которое сочетается с другим типом знания (качественное с количественным) только потому, что таким путем могут быть достигнуты цели исследования. Предложенная мной последовательная стратегия сочетания качественного и количественного подходов (именно в такой последовательности) здесь является, на мой взгляд, единственно возможной.

⁷ В большинстве российских публикаций сочетание (смешивание) все же понимается предельно широко как комбинирование не столько качественного и количественного подходов, сколько любых социологических методов вообще.

В самом деле, первый (качественный) этап позволяет представить изучаемое явление (массовое поведение) в горизонте тех его типичных смыслов, которые существуют в социуме: с позиции феноменологической социологии именно смыслы явления определяют поведение человека в той или иной ситуации. На этом этапе создается и эмпирическая классификация таких смыслов. Вместе с тем для надежного прогнозирования с помощью методов экстраполяции необходимо знать и количественную представленность этих смыслов в той или иной социальной группе, в социуме в целом. Второй (количественный) этап социологического исследования как раз решает эту задачу. Так, зная, например, структуру смыслов свободы у россиян, представленность этих смыслов в массовом сознании, можно прогнозировать уровень протестного поведения, меру социальной напряженности в обществе в целом и отдельных регионах в частности. Зная, например, смыслы получения высшего образования молодежью, их распространенность среди студентов вузов разной направленности и разной локализации (столичные, периферийные), можно, на мой взгляд, прогнозировать и их уровень учебно-познавательной, политической, культурной активности, так же как и наиболее востребованные образовательные и профессиональные траектории. И невозможное возможно.

Список литературы (References)

Баскакова Ю. «Shaken not stirred» — комбинируем методы для повышении точности // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены : Альманах-2016 : сборник. М. : АО «ВЦИОМ». 2016. С. 6—11. [Baskakova Yu. (2016) «Shaken not stirred» — combining methods to increase accuracy. Monitoring of public opinion: economic and social changes: Almanac — 2016. Moscow: АО «VTsIOM». P. 6—11. (In Russ.)]

Гинис Л. А. Обзор методов научного прогнозирования // Известия Южного Федерального Университета. Технические науки. 2009. № 3. С. 231—236. [Ginis L. A. (2009) The review of methods of scientific forecasting. *Bulletin of the South Ural State University. Engineering sciences.* No 3. P. 231—236. (In Russ.)]

Готлиб А. Качественное социологическое исследование познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара : Универс-групп, 2004. [Gotlib A. (2004) *Qualitative Sociological Research: Cognitive and Existential Horizons.* Samara: Univers-grupp. (In Russ.)]

Готлиб А. Субъективность исследователя в социологическом исследовании // Вестник Самарского государственного университета. 2012. С. 48—57. [Gotlib A. (2012) Subjectivity of researcher in sociological research. *Bulletin of Samara State University.* P. 48—57. (In Russ.)]

Копец Л. В. Классические эксперименты в социологии. Киев, 2010. [Kopets L. V. (2010) *Classical experiments in sociology.* Kiev. (In Russ.)]

Леньков Р. Социальное прогнозирование и проектирование. М. : ЦСП, 2013. [Lenkov R. (2013) *Social forecasting and designing.* Moscow: TsSP. (In Russ.)]

Микешина Л. А. Философия науки. М. : Флинта, 2005. [Mikeshina L. A. (2005) *Philosophy of science*. Moscow: Flinta. (In Russ.)]

Николаев В. Г., Барбалет Дж. Эмоция, социальная теория и социальная структура: макросоциологический подход // Социологическое обозрение. 2002. № 2. Т. 2. С. 13—18. [Nikolaev V. G., Barbalet J. (2002) *Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach*. *Russian Sociological Review*. No 2. Vol. 2. P. 13—18. (In Russ.)]

Савинская О. Б., Истомина А. Г. Понятийный аппарат стратегии смешивания методов: по материалам Круглого стола // Социология: 4М. 2015. № 41. С. 142—149. [Savinskaya O. B., Istomina A. G. (2015) *Conceptual ideas of mixed methods research: based on a roundtable materials*. *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling*. No 41. P. 142—149. (In Russ.)]

Семенова В. Стратегии комбинации качественного и количественного подходов при изучении поколений // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. No 8. С. 5—15. [Semenova V. (2014) *Strategies of combination of qualitative and quantitative approaches in generational studies*. *Interaction. Interview. Interpretation*. No 8. P. 5—15. (In Russ.)]

Симонова О. А. Методологические инновации и вызовы в социологии эмоций: аналитический обзор. Социология: 4М. 2016. № 42. С. 114—144. [Simonova O. A. (2016) *Methodological innovations and challenges in the sociology of emotions: An analytical review*. *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling*. No 42. P. 114—144. (In Russ.)]

Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. Санкт-Петербург : Алетейя, 2009. [Shteinberg I., Shanin T., Kovalev E., Levinson A. (2009) *Qualitative methods. Fieldwork sociological studies*. St Petersburg: Aleteiya. (In Russ.)]

Шляпентох В. Э. Предвыборные опросы 1993 года в России: критический анализ // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 14—22. [Shlyapentokh V. E. (1995) *Pre-election surveys in Russia in 1993: a critical analysis*. *Sociological studies*. No 9. P. 14—22. (In Russ.)]

Шюц А. Мир, святающийся смыслом: избранное. М. : РОССПЭН, 2004. [Schütz A. (2004) *The common-sense world. Collected works*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)]

Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. М. : НИУ «Высшая школа экономики», 2013. [Yadov V. A. (2013) *Self-regulation and forecasting of personal social behavior: dispositional concept*. Moscow: Higher School of Economics National Research University. (In Russ.)]

Barbalet J. M. (1999) *Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach*. Cambridge University Press.

Cresswell J. (2009) *Research Design: Qualitative, Quantitative and Mix Methods Approaches*. Sage: Thousand Oaks, Calif.

Holms M. (2015) Researching Emotional Reflexivity. *Emotion Review*. Vol. 7. No 1. P. 61—66.

Hammersley M. (1992) Some Reflections on Ethnography and Validity. *International Journal of Qualitative Studies in Education*. Vol. 5. No 3. P. 195—203. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/0951839920050301>.

Johnson B., Onwuegbuzie A., Turner L. (2007) Toward a Definition of Mixed Methods Research. *Journal of Mixed Methods Research*. Vol. 1. No 2. P. 112—133.

Morgan D. L. Integrating Qualitative and Quantitative Methods: A Pragmatic approach. Sage: Thousand Oaks, Calif, 2014.